

ЮРИЙ ГОРЮНОВ

ВЕЧЕР
ДЛИНОЮ
В ЖИЗНЬ

16+

Юрий Горюнов

Вечер длиною в жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39415120

SelfPub; 2018

Аннотация

Как научиться жить, когда уходит любимый человек. От Дмитрия уходит жена. Он остался с сыном-старшеклассником. Этот вечер его воспоминания и попытка понять, почему так получилось. Через несколько лет они случайно встретились. Дмитрий понял, что он пережил трагедию разлуки, и тот вечер был вечером длиною в жизнь.

ВЕЧЕР ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

1

– Дим, ты не против, если я съезжу отдохнуть на недельку? Так замоталась на работе, что сил нет. Тут подвернулась путевка, горящая в санаторий. Ты извини, я без тебя тут посмотрела в туристическом бюро, – сказала мне Светлана.

Что я мог ей ответить. Конечно, мне это не очень нравилось, что поедет одна. Но она действительно задерживалась на работе, иногда документы приносила домой и работала.

– Я не испытываю восторга, но если устала, езжай, – ответил я.

Явного повода не доверять у меня не было. Да и придерживался принципа, что свечку не держал. Если думать обо всем, ревновать, то свихнуться можно.

Семейный очаг у нас создан не вчера. Мы были женаты уже шестнадцать лет. Сыну Сергею было пятнадцать. Учебный год только заканчивался и куда его сдернешь для отдыха.

– Значит не против? Я даю согласие на путевку? – уточнила Света.

– Что с тобой сделаешь. Ты ведь, как понимаю, уже решила.

– Но без твоего согласия как-то неудобно.

– Езжай.

– Спасибо, – сказала Света. Подошла ко мне и поцеловала в щеку. – Ты замечательный муж и мужчина.

Мне нравилась моя жена, несмотря на прожитые годы. Она не стала выглядеть хуже с момента нашего знакомства. Такая же стройная, миловидная.

– Я вам все приготовлю, чтобы вы тут с голоду на бутерброды не перешли. За Сережкой смотри, а то будет питаться всухомятку.

– А когда уезжаешь?

– В пятницу.

– А вернешься?

– В субботу вечером.

Этот разговор состоялся у нас в понедельник. За оставшееся время до отъезда она прибиралась, готовила нам с сыном запасы. И параллельно подбирала себе одежду.

– Ты словно не на неделю собираешься, а на месяц, как минимум.

– Таковы женщины. Нам надо все перемерить. Ты же не хочешь, чтобы твоя жена выглядела хуже других?

– Я не знаю, как там будут выглядеть другие. Да и сравнивать не хочу.

– Дим, ты не обижайся, ладно? Я понимаю, что ты в себе носишь. Но не обижайся.

– Решили же.

Когда она собиралась, я заметил, что в ее движениях была какая-то нервозность. Движения с виду были обычными, но иногда проскакивало, что она вдруг задержит взгляд на какой-то вещи, задумается, а потом порывисто укладывала

ее. Складывалось впечатление, что она боролась с нервным возбуждением. Я не придавал этому значения, так как посчитал, что волнуется, оставляя нас одних.

Сын к отъезду матери отнесся спокойно. Он уже был все-таки чуть взрослым и в семейные дела родителей не вмешивался. У него были свои интересы в жизни. Для него уехали-приехали не так существенно.

В четверг вечером Света собрала нас с сыном на кухне и стала проводить экскурсию по холодильнику, объясняя, где и что лежит и что надо делать.

Сергей заметил, – От твоей экскурсии через пару дней можно заблудиться. Все пути к продуктам перемешаются. Что увидим, то и будем, есть и так по убывающей до задней стенки холодильника.

– Помолчи, умник. На первом месте у тебя всегда колбаса и сыр. Приходишь раньше отца, так хоть ему что-то оставь.

– Ладно, не дам ему умереть до твоего приезда.

– Ну, все, мои мужчины. Где ваша одежда знаете. Не маленькие разберетесь.

Так была закончена неделя.

Утром я отвез Свету на вокзал. Поезд отправлялся в девять. Ехать было часов пять. В купе никого не было.

– Смотри, здорово. Можно спокойно посидеть, – сказала жена.

– В дороге подсядут.

По радио передали, что до отправления осталось пять ми-

нут. Я поцеловал Свету.

– Смотри за Сережкой. А то сам целыми днями на работе.

– Да ладно. Разберемся.

Я вышел из купе, прошел к тамбуру и шагнул на платформу. Подошел к окну купе, где сидела Света. Она смотрела на меня. Ее грустные глаза смотрели на меня. Через запыленное вагонное стекло ее лицо как бы расплывалось в дымке. Она попыталась улыбнуться, но улыбка была неестественной и грустной.

Поезд тронулся. Она помахала мне рукой. Набирая скорость, вагон увозил от меня жену. Когда ее стало не видно, я направился к выходу с перрона.

2

Дни летели. Вечер сменялся вечером. Обычные будни.

В пятницу я сказал сыну, – Серега, завтра приезжает мама. Надо привести в порядок квартиру.

– Будет сделано.

Я вернулся с работы, не задерживаясь. Сын привел в порядок квартиру. Протер пыль, прибрал свои разбросанные вещи.

– Пап, все в порядке. Я пойду к Саше, что дома сидеть?

– А уроки?

– Все сделано.

– Иди. Но не позже десяти домой.

– Договорились.

Когда сын ушел, я прошелся по квартире. Затем прошел на кухню, заварил чай и сел за стол, не зная, чем заняться.

Может, что-нибудь приготовить к приезду Светы, – подумал я, – сходить купить что-то к чаю. Машинально взглянув на часы, я отметил, что время подошло к восьми. Магазины работают. В это время заиграла мелодия сотового, по музыке я понял, что звонит Света. Я схватил трубку.

– Привет, – сказал ей первый я, – я тебя слушаю. У нас все в порядке, – отрапортовал я Свете.

– Дим, привет. Рада тебя слышать. Хорошо, что все в порядке.

– Когда прибывает твой поезд завтра?

В трубке была относительная тишина. Света молчала, но я слышал звук, напоминающий звук мотора автомобиля. Словно она разговаривала из машины.

Почему она в машине, – подумал я.

– Ты вообще, где сейчас?

– Дим, я не приеду. Извини меня, – услышал я нервный голос Светы.

После некоторого замешательства, не сразу поняв, что она сказала, я переспросил:

– Я не понял. Куда не приедешь?

– Я не вернусь. Не бросай трубку. Я не могла сказать тебе дома. Не хватало сил. Я встретила человека. Уже давно. И вот теперь решила жить с ним. Я не смогла бы сказать тебе этого в глаза. Я не предаю вас. Нет. Но есть такое понятие

– любовь. И вот я поняла, что это такое только сейчас. Я понимаю, что ты думаешь, но я не могу иначе. Извини. Сергею попробуй объяснить. Хотя, как ты это сделаешь, я не представляю. Так сложилось.

Она замолчала. Я тоже молчал. Это был не удар, не раскат грома среди ясного неба. Это была пустота.

– Ты что молчишь? Какая-то реакция у тебя есть? Ну, накричи на меня, обругай, но что-то скажи.

– Кричать – удел слабых. А нам с сыном силы еще пригодятся. Это твое решение. У меня к тебе всего одна просьба.

– Какая?

– Не звони нам. Ни мне, ни сыну. Забудь мой номер телефона. Сына тоже не волнуй. Ты сделала выбор. Поэтому забудь о нас. Твои вещи я отвезу твоей матери. На развод в суд я не приду. Все через адвоката. Если есть имущественные претензии, все через него. У меня нет желания тебя видеть. Поэтому забудь о нас. Все.

Я отключил связь. Что я чувствовал в этот момент? Я и сам не знал, как это описать. Ничего. Сердце сжало не болью. Я был словно в вакууме, в пустоте, и она добралась до сердца.

Я представил, что сейчас она в машине с другим женщиной. Света, которую я за многие годы совместной жизни думал, что знал. Наивный. Ты ее совсем, оказывается, не знал. Любил ли я ее? Трудно сказать, но думаю да, любил. Вообще, что есть любовь? У каждого своя любовь, которая проявляется в обычных житейских ситуациях. Я не носил ее на

руках, не пел дифирамбы. Я просто по-мужски ценил в ней женщину, с которой мне было хорошо. Я старался, чтобы и ей со мной было так же. Значит, не получилось. Не сумел. Но вины за собой не чувствовал.

Предала ли она нас? Нет. Я не считал это предательством. Она выбрала иной путь, по которому нам вместе не идти. Но обида была. Горечь. Горечь пустоты, бездушности. Бить себя в грудь и твердить, что ей было надо? Глупо. Но сердце ныло. Ныло от того, что потерял дорогого мне человека, которого не будет рядом. И с этим надо было смириться, заполнить образовавшуюся брешь. Не другой женщиной. Жизнью. Своей и сына.

Как объяснить Сергею? Как он себя поведет? Отреагирует. Я даже не представлял.

Посмотрев на телефон, я зашел в список абонентов и стер Светин номер из памяти. А из своей? Время. Сотрет и его.

Что теперь делать? Я не знал, чем заполнить вечер. До ее звонка я заполнял ожиданием встречи, которой уже не будет.

Налив себе крепкого чая, я, не зависимо от своего желания, погрузился в размышления. Это будет, очевидно, длинный вечер, который разделит жизнь на «до» и «после». В «до» есть память, в «после» – неизвестность.

3

Квартира была наполнена тишиной. И эта тишина, как мое непонимание произошедшего.

Гнетущая пустота выплескивала на меня долю гнева, ревность не к ней, а к уходящему прошлому. Пустота обостряла уходящее, обостряла чувства, натягивала нервы. Я понимал свою беспомощность, неудовлетворенность своим положением. Я машинально ходил по квартире, пребывая в прострации. Реальность ситуации порождала сомнения, что все не серьезно, а сон. Нервы были на пределе. Мои чувства не были в гармонии с душой.

Липкий страх одиночества перед неизвестностью проникал в мои мысли. Нет, я не буду одинок, у меня есть сын, но это одиночество было иного рода. Одиноким можно быть только при наличии свободного времени, а у меня его не было и надо сделать все, чтобы не было и в будущем. Что это? Ошибка в жизни? Переход из одного состояния в другое? Все так банально и просто. Была надежда, была одна жизнь, теперь другая и все по-другому. Эти свои чувства мысли не доверишь никому. Не люблю, когда мне лезут в душу. Даже плакать не могу. А, может быть, было бы легче, если бы слезы навернулись на глаза. Сейчас никто бы их не увидел. Но радости от этого я не получу.

Единственное, что я могу попытаться сделать – полностью исчезнуть из ее жизни и вычеркнуть ее из своей. Она не была счастлива со мной в прошлой жизни, во всяком случае, в последнее время, хотя я был там счастлив. Мы теперь будем жить в разделенном мире. Я научусь прощать и забывать свое прошлое, где мы были вместе. Отчаяние, боль. Я сжал

кулаки до боли в костяшках пальцев от бессилия.

Я прошел по квартире и вдруг обратил внимание на фотографии в рамках, висящие на стене в коридоре. Я подошел, рассматривая их, и начал снимать те, на которых была Светлана. Я убирал свое прошлое, ее прошлое, в котором она была. В будущем ее нет. А жить прошлым я не хотел.

Сняв фотографии, я прошел в спальную комнату и положил их в ящик комода. Потом, когда будет время, отвезу вместе с ее вещами. Выбрасывать я не хотел. Не стоит мелочиться. Если ей надо заберет у матери, нет, выбросит сама.

За окном в лучах заходящего солнца начинался вечер с его сумерками и полутенями. Пройдя на кухню, я услышал звук открывающейся двери. Пришел сын.

Он с порога закричал, – Есть хочу.

– Садись. Сейчас что-нибудь соображу. Чисто мужское блюдо – яичницу будешь?

– Буду.

Сын, пока я собирался готовить, пошел в свою комнату, но, не дойдя до двери, остановился. Я понял, что он увидел, что некоторых фотографий, что висели на стене, нет. Потом до него дошло, что нет фотографий, где его мать.

Он развернулся и вошел на кухню. Я стоял у плиты и готовил ему ужин.

– Пап, что случилось? – сказал он мне в спину, – Почему ты снял фотографии мамы?

– Садись за стол, я попробую тебе все объяснить.

Он прошел и сел за стол спиной к окну. Я поставил перед ним тарелку, достал из холодильника яблочный сок, налил стакан и поставил перед ним.

Затем сел напротив. Я смотрел на него, не зная с чего начать. Но выбор был невелик. Сын смотрел на меня, не прирагиваясь к еде.

– Скажу, как есть, не подбирая красивые слова. Звонила мама. Она сказала, что не вернется к нам. Она не будет больше жить с нами. Я попросил ее больше не беспокоить нас, не звонить, не напоминать о себе. Я стер ее номер в своем телефоне и, как видишь, снял фото. Возможно, я поторопился и поступил эмоционально, решив за нас обоих, сказав, чтобы не звонила ни мне, ни тебе. Ты волен решать сам. Общаться с ней или нет. Любой твой выбор я приму.

Я замолчал. Я понимал, что ему нужно время, чтобы почувствовать, понять сказанное мной. Смерть человека – большое горе и даже ребенок со временем понимает безвозвратность потери. Но уход живого человека – это тяжелая ноша для памяти. Зная, что человек жив, где-то ходит, грустит, смеется, но не с тобой. Память может иногда выборочно достать известный образ даже по аналогии с кем то, с каким-то событием. И в этот момент от нее никуда не деться. Эти моменты памяти не прогонишь. Единственное лекарство – это не обращать внимания, не поддаваться воспоминаниям, а пропустить мимо себя, как образ случайного прохожего, который какое-то время держится, но быстро гаснет.

Так и здесь. Но это я, взрослый человек. А ему всего, а, может быть, уже пятнадцать? Все это пронеслось в моей голове.

Я не спрашивал сына. Смотрел мимо него за окно на гаснущий вечер, ожидая его реакции. Я даже не представлял, что у него сейчас в голове.

И тут он задал мне вопрос, не высказал мнение, предположение, а именно вопрос, которого я от него не ожидал.

– Почему?

– Я не могу ответить тебе на этот вопрос ясно. Я могу только сказать свое мнение.

– Скажи.

– Я скажу, как взрослому человеку. Если что не поймешь сейчас, со временем разберешься. Каждый из нас имеет свои достоинства и недостатки. Мы часто не видим свои минусы, но живя с другими, видим их минусы. Миримся с ними. Но мы стараемся меньше обращать на них внимания до тех пор, пока достоинства перевешивают. Когда смещение происходит в минус, становится жить сложнее. Смещение может произойти по разным причинам, случайностям. Даже внешним. Например, встреча человека, у которого недостатков с нашей точки зрения меньше. И не произвольно, не умышленно начинаем сравнивать. Если удастся перебороть в себе этот негатив, на который могут оказывать влияние прошлые события совместной жизни, то все возвращается к позитиву. Не всем это удастся, а иногда и не хочется. Здесь все индивидуально.

– Это в общем, а в нашем случае? – перебил меня Сергей.

– Есть такое слово – любовь. Что такое, объяснить никто не может. Да и не надо. Каждый понимает по-своему. Это какое-то необъяснимое чувство, влечение к другому человеку, не зависимо от его личных качеств. Мама полюбила другого человека. Наверное, ее чувства настолько сильны, что она решилась на такой поступок. Не думаю, что это ей было легко. И, в первую очередь, из-за тебя.

Я не верю, что человек может любить в жизни несколько раз. Скорее влюбленность. Но это мое мнение. Возможно, мама думала, что любит меня. И мы мирно жили со своими радостями и горестями. Она была по-своему счастлива с нами. Но, очевидно, она, встретив другого человека, может быть, не сразу поняла, что все, что было между нами не любовь, а любовь – это ее настоящее. Такие вопросы не решаются в одночасье. Скорее всего, решала, как и что будет. Но в конечном итоге решила так, как случилось.

– Ты знаешь его?

– Нет. И знать не хочу. Зачем мне это? Чтобы посмотреть, чем он лучше меня? Я не считаю себя хуже его. Если мама решила иначе, то это ее личное дело. Просто я другой. А ей лучше с ним.

– И ты не хочешь побороться?

– Сын! За что бороться? За нелюбовь другого человека? Представь, она вернулась, я ее в чем-то убедил. Я не смогу к ней относиться как прежде. Меня будут посещать мысли, что

она думает о нем. Да просто не смогу уже жить по-прежнему. Кто-то может. Я нет.

– И как ты себя чувствуешь?

– Сказать скверно – значит, ничего не сказать. Она меня, конечно, сильно обидела. Мне надо пережить эту боль и, поверь, я переживу. Жизнь на этом не заканчивается, как бы банально это не звучало. Я не хочу ее видеть и разговаривать. Мы чужие теперь. Что касается тебя, я, как и сказал, право на общение с ней ты принимаешь сам. На тебя за это обижаться не буду. Единственное, что попрошу, если будешь общаться, не надо мне об этом рассказывать, во всяком случае, в ближайшее время. Пройдет время и все затянется.

– Пап, ты не старый. И как ты будешь жить дальше?

– Очевидно, по-новому смотреть на окружающий мир. Если ты имеешь в виду встречу с женщиной, то не брошусь в пучину. Мне надо переболеть. Не скажу тебе ни «да», ни «нет». Я не знаю, что будет дальше. Может быть, когда-нибудь и встречу женщину, с которой захочу жить. Но могу тебе обещать, что до тех пор, пока мы живем с тобой вместе или пока у тебя не будет своей семьи, я буду учитывать твое мнение. Жить людям под одной крышей надо уметь. Так что, случайностей не будет.

– Не беспокойся за меня. Глупостей не наделаю. Как дальше пока не знаю, но конечно и мне обидно.

– Это хорошо, что не делаешь поспешных выводов. Со временем все выстроится. И не надо тебе наши отношения

перекладывать на себя. Я тебя порошу, если что-то не так или будет сложно, ты обратись ко мне. Не могу обещать, что все пойму, но что попытаюсь понять тебя, это точно. Нам с тобой и осталось доверять друг другу, иначе какая у нас совместная жизнь будет. Хорошо?

– Хорошо.

– Давай попробуем каждый для себя переварить случившееся, а потом если будет необходимость, обсудим. Договорились?

– Договорились.

– Ты так ничего и не ел.

– Уже и не хочется.

– Тоже верно. Какая тут еда. Не будешь? Точно?

– Нет.

– А сок? Я решил себе сварить кофе. Посижу еще.

– Получишь бессонную ночь.

– А ты думаешь, без кофе я быстро усну?

– Не думаю. Я пойду к себе.

– Конечно. Только, прошу тебя, никому не надо рассказывать. Это только повод для сплетен. Проживем и без них. Со временем все равно узнают, но не от нас. И еще у меня много работы, дежурства. Часть хозяйства ложится на тебя. Но главное, не спусти на тормозах школу.

– Не беспокойся. Хуже не будет.

– Вот и ладно. А летом поедем, где шумно и весело, где много людей.

Сергей выпил сок и вышел из кухни. Я выбросил остывший ужин, сварил кофе и, сидя за столом, вернулся мыслями к самому себе и прошлому.

Я прокручивал время прожитой совместной жизни, которая внезапно оборвалась. Это было мое черно-белое кино, в котором я видел ее улыбку, взгляд. Слышал голос, который таял во времени.

Наша встреча была обычной, не была странной, но, как и все встречи, была случайной. Расставание может быть случайным, но только в одном случае – смерть. В остальных случаях к расставанию ведет целая череда поступков, событий. Если пытаться повлиять на события, то это игра нервов, попытка уйти от действительности, создавая свой внутренний мир и пытаюсь жить по придуманным правилам, которые меняем в зависимости от ситуации, обманывая самих себя.

Знакомство состоялось на одном из вечеров, куда Светлана пришла с моей однокурсницей. У нас не было резких перепадов в отношениях. Обычная жизнь, которая показывала нам свои грани с разных сторон – и светлые, и темные.

Память выборочно показывала мне отдельные картины прошлого. Как мы радовались, когда родился сын. Радовались купленной квартире. Были и разногласия, но все как-то не мешало жить вместе, не отталкивало друг от друга. Я не пытался копаться в своей памяти, чтобы анализировать и пытаться разобраться, что я делал не так. Это было ни к чему. Свершившийся факт не повод для работы над ошибками.

ми. Я ее ревновал, но в меру. Не устраивал сцен, не переходил грань. Ревность не лучший спутник в семейной жизни, но все определяется, если есть поводы. Излишек ревности без повода – причина расставания или возможность превратить свою и чужую жизнь в кошмар. Да и что об этом думать сейчас. Я не считал прожитые с ней годы ошибкой. Ошибкой считала она, раз ушла. У меня остался сын, который со мной. Разве можно его считать ошибкой? Ради него стоило жить настоящим и будущим. А прошлое – оно и есть прошлое. Было и прошло, нечего его вытаскивать из памяти, чтобы, упиваясь обидой, бичевать прошлое, а, может быть, и настоящее. Кому от этого лучше. Надо научиться жить тем, что есть. Я еще только могу догадываться, что тяжело будет, не зная всех сюрпризов реальности, но к этому надо готовиться.

Пока я размышлял, пролистывая страницы своего прошлого и пытаюсь заглянуть в будущее, за окном наступила ночь. Вечер размышлений, перешедший в ночь, для меня еще не закончился.

В этот вечер я, как заново прожил свою прошлую жизнь и прокладывал дорогу в будущее. Вечер длиной в жизнь. Да, но не хотелось бы его повторения.

4

Я вышел из дверей больницы. День был трудный, была сложная операция. Чувствуя усталость, я решил пройти пешком домой. Сергей был на занятиях в институте. Он уже

учился на третьем курсе медицинского института. Решил пойти по моим стопам, что мне было, конечно, приятно, хотя я его не призывал к этому, предоставляя право выбора. А, может, и не на занятиях, взрослый уже. Иногда он брал машину, как и сегодня. В этом случае моим транспортом был – общественный. Но был теплый вечер конца мая, и пройтись по улицам было в удовольствие. Солнце еще не подходило к закату и играло лучами в витринах магазинов, офисов.

С чувством безмятежности, наверное, какой-то глуповатой беззаботности я шел по улицам города, рассматривая в витринах свое отражение. Смотрел на лица прохожих, которые радовались теплоте весеннему дню. Кто-то, как и я, шел празднично, кто-то спешил по делам. У каждого свои интересы, заботы.

– Дима.

Я сначала не отреагировал, что обращаются ко мне. Я был погружен в рассмотрение окружающего мира и свои мысли ни о чем.

– Дима. Подожди.

Я остановился и оглянулся. У тротуара, чуть позади меня, стояла машина. Со стороны водителя стояла Светлана и смотрела на меня.

Увидев, что я остановился, она захлопнула дверцу и подошла ко мне.

– Здравствуй.

– Здравствуй.

– Я проезжала мимо, и, увидев тебя, решила остановиться.

Ты прошел мимо и не заметил.

– Я вообще не обращаю внимания на проезжающие машины, тем более не смотрю, кто в них сидит.

– Я несколько раз тебя видела на улицах, но не решалась окликнуть.

– Что же сейчас подвигло?

– Не знаю. Просто решила и все.

Я ничего не ответил. Ожидая продолжения. Я ее не окликал. Если ей что надо, сама скажет. Глядя на нее, я отметил, что она не сильно изменилась. Не помолодела, конечно, как и я, но выглядела хорошо.

Я знал, что Сергей иногда виделся с ней. Я не препятствовал. Он, лишь вернувшись домой, иногда мог сказать «видел маму». И все. Я ничего о ней не спрашивал, а он, зная, что мне это не нужно, ничего не рассказывал. Что устраивало обоих.

– Как ты себя чувствуешь? Как живешь?

– На какой вопрос отвечать первым? Чувствую себя хорошо для своего возраста. Живу тоже хорошо. Не жалуюсь. Если есть, какие проблемы, то решаю их по мере поступления.

– Не многословно, но понятно.

А что я ей должен был рассказывать, – подумал я. Мы уже давно чужие люди. Я ее не видел с тех пор, как она ушла. Развод прошел без моего личного присутствия. Раздела имущества не было. Да и говорить было не о чем. У нас разная

жизнь. Жить прошлым я не собирался, переболел. Будущего у нас не могло быть. Сын? Так с ним все в порядке.

Наверное, время действительно лучший лекарь. Если не для всех, то для меня точно. Я понял, что действительно излечился от нее. После ее ухода я банально пытался представить себе нашу случайную встречу. И мне хотелось показать, что у меня все хорошо, что я научился жить без нее. Я не стремился к этой случайной встрече. Я в какой-то степени боялся ее. Боялся, что нахлынут воспоминания, когда я ее увижу, и ее счастливая жизнь вновь откроет начавшую заживать рану. Я не желал ей зла, но обиду не сотрешь просто так. Миллионы людей расстаются. Кто-то желает другому неудач, кто-то умел уйти от этого. Очень трудно, невероятно трудно понять и простить. Не пустить к себе в сердце злость. Я пытался понять. Простить быстро не получилось, поэтому я и рассчитывал на лекаря – время. И вот сейчас я смотрел на нее, и мне было легко. Я понял, что больше не боюсь прошлым. Это было странное чувство легкости, свободы от прошлого, которое хоть и не держало, но какими-то невидимыми нитями привязывало. Эти нити не ограничивали физическую жизнь, но их чувствуешь в минуты одиночества. Нет, я не возвращался в прошлое, я научился его не замечать. Оно как случайная попытка позвонить в дверь, у которой отключен звонок. И сколько не звони, дверь не откроется. Так и я, не открывал дверь прошлому, отключив звонок памяти. Это была чужая женщина, и я был счастлив, что нити порва-

ны. Я радовался своему ощущению. Как, оказывается, замечательно видеть человека и ничего к нему не чувствовать. Я не чувствовал к ней ничего. Так, словно встретил случайно знакомую из прошлого, с которой мало общался, и ничего не имея с ней общего. Невероятно, но факт, что при встрече у меня ничто не екнуло. Мне удалось вылечиться без побочных эффектов. Я к этому долго шел. Мне хватило того времени, что было отмеряно от расставания до встречи. Значит, я выписал себе раньше правильный рецепт – не интересоваться, не общаться. Я просто смотрел и слушал Светлану и знал, что победил тоску, одиночество, а, главное, горечь обиды. Все это так быстро пролетело в голове, пока она что-то рассказывала. Я услышал только последнюю фразу.

– А я родила дочку.

– Поздравляю. У тебя теперь много хлопот.

– Есть, конечно, но ей уже три года. Извини за нескромный вопрос. А как ты? Встретил другую женщину?

– Независимо от того, «да» или «нет», я не собираюсь обсуждать этот вопрос. Это мое личное и принадлежит данная тема только мне. Так что, не комментирую.

– Извини. Я не хотела тебя обидеть.

– Ты и не обидела. Обидела раньше, но я пережил тот период и он в прошлом, которым я не живу. Единственное, что помню, что в моей жизни был вечер длиною в жизнь.

– Это как?

– Это как в песне между прошлым и будущим. Извини, но

я пойду. Удачи. Всего тебе доброго.

И, не ожидая ответа, я повернулся и пошел дальше, жить той жизнью, которой теперь жил и которая мне нравилась.

(фото Горюнов Ю.)